

УДК 323
ББК 66.0

СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ В 1990–2000-е ГОДЫ (ТЕОРИИ И РЕАЛЬНОСТЬ)

А.В. Баранов

В статье дана трактовка политической модернизации, выявляется специфика применения теорий модернизации при анализе политических процессов в России 1990–2000-х годов. Установлен социокультурный контекст модернизации России.

Ключевые слова: *политическая модернизация, специфика, Россия, теории, 1990–2000-е годы.*

Актуальность темы статьи – в необходимости переосмысления теорий модернизации на основе анализа политических процессов в постсоветской России. Увы, существуют иллюзии о возможности ограничиться экономической и технологической модернизацией. Следует поэтому определить политические цели преобразований. Цель статьи – выявить специфику применения теорий модернизации на материалах политических процессов в России 1990–2000-х гг., установить социокультурный контекст модернизации страны.

Теории модернизации претендуют на осмысление долгосрочных переходных процессов от традиционного к индустриальному обществу. Модернизация – это процесс качественных кардинальных изменений, идущих в экономике, в социальной, социокультурной и политической сферах [3, с. 26–32]. Политическая модернизация неразрывно связана с высоко развитым рынком, инновационным развитием, высококомобильной социальной структу-

рой, в которой преобладает средний класс, с высоким качеством жизни и ограничением неравенства доходов [12, с. 12–22]. Социокультурные выражения модернизации – секуляризация, научное рациональное мировоззрение, индивидуалистическая «картина мира», ускорение и открытость потоков коммуникаций.

Политическая модернизация имеет проявления: создание дифференцированной политической структуры с высокой специализацией ролей и институтов; упрочение правового государства; рост удельного веса полноправных граждан, их активное политическое участие в конвенциональных формах; замещение традиционных элит на модернизаторские; оформление рациональной политической бюрократии; качественный скачок в уровне осведомленности граждан о политике, благодаря свободным СМИ.

Названные проявления отражают опыт Западной Европы и Северной Америки в XVI–XX вв. [10, с. 249]. Поэтому возникла проблема «западноцентризма» и применимости модернизации в незападном мире. Приоритеты, методы и темпы модернизации зависят от тра-

диций обществ и от их траекторий развития. Трансформации вызывают конфликт ценностей между «внешними» (институциональными и поведенческими) и «внутренними» (психологическими) изменениями. Конфликт становится наиболее острым в странах и регионах, не готовых к трансформации либо «блокирующих» новшества в силу своих традиций.

В странах «первого эшелона» (Нидерланды, Германия, Великобритания, США) преобразования развивались на почве национальных традиций эндогенно. В странах «второго эшелона» (Россия, Германия, Япония, Италия) модернизация была неорганичной, сочетала в себе внешние импульсы заимствований и внутренние потребности. Основным субъектом реформ стало государство. Внедрение новых ценностей и институтов велось выборочно, в интересах военной и технологической конкурентоспособности государства. Ареал «третьего эшелона» модернизации (Латинская Америка, Азия, Африка) не имеет ресурсов и воли реализовать самостоятельную стратегию развития. Его модернизация экзогенна, имитирует западные стандарты. Но превращение «периферии» в демократии не наступало. Преобладало циклическое развитие деформированной авторитарной системы.

Потребовался пересмотр теорий модернизации. Ш. Эйзенштадт ввел понятие органичной и неорганичной модернизации [13, р. 203]; Р. Арон, О. Тоффлер, Г. Мюрдаль подчеркивали многообразие реформ [2, с. 126–131]; Ш. Эйзенштадт признал, что разрушение традиционной политической системы не обеспечивает жизнеспособность новой. Напротив, часто крах традиционных отношений и институтов вел к дезинтеграции и хаосу [13, р. 204]. С середины 1980-х гг. получила влияние концепция «модернизации в обход modernity» (идущей незападным путем). А. Турен и Ш. Эйзенштадт признали эффективность самобытных моделей развития на основе синтеза национальных и мировых ценностей. «Контромодернизация» (примеры Ирана, Венесуэлы) означает повышение эффективности традиционной системы на основе ее ценностей, аллергическую реакцию незападных обществ на насаждение западных стандартов политики [2, с. 132–133; 10, с. 460–480; 5, с. 173].

Современные теории модернизации расценивают специфику ценностей стран как предпосылку успеха новшеств. Это признается Дж. Джермани [10, с. 460–480] и С. Хантингтоном [11]. Ш. Эйзенштадт признает «огромное институциональное разнообразие современных и осовременивающихся обществ», невозможность копирования западной демократии [13, р. 58–59, 99]. Ф. Риггз указывает, что «переходное общество» длительно поддерживает самобытные механизмы воспроизводства порядка в условиях вестернизации [7, с. 85].

Российская модель политической модернизации неоднородна, имеет черты непоследовательности и противоречивости вследствие традиций исторического развития общества. Потребность в реформах, вызванная состоянием общества и внешним влиянием Запада, сложилась раньше, чем созрели объективные условия реформ. На циклический тип развития общества накладывались линейно-прогрессистские схемы заимствованных реформ, порождая деградацию многих институтов общества. Реформы проходили в социокультурной среде, которой свойственна «государственноцентричная матрица» развития (Е.Н. Мошелков) [6, с. 19, 33, 35]. Ее доминанта – соединение власти и собственности, ведущая роль государства в жизни общества. В ходе модернизации XVIII–XX вв. закрепился глубокий социокультурный раскол общества – состояние застойного равновесия между старыми и новыми институтами, нормами и ценностями, практиками отношений. Механизм взаимодействия и диалога ценностей между сегментами общества крайне ослаблен. Как показал А.С. Ахиезер, раскол выражался в гипертрофии инверсионных проявлений и слабости состояний равновесия [1, с. 141–142]. Это порождало цикл незавершенных реформ, ответом на которые становились частичные контрреформы. Тем самым противоречия общества не находили позитивного решения, пока «критическая масса» конфликтов не вызывала насильственную перемену политического порядка.

Если перейти от исторической динамики российской модернизации к ее современным признакам, то можно взять за основу их классификацию по О.Л. Лейбовичу [4, с. 101–103] с нашими уточнениями:

- основной субъект и инициатор модернизации – государственная власть;
- цели и задачи модернизации определяет элита по своим интересам;
- общественные институты отчуждаются от модернизации;
- траектория – незамкнутый цикл, чередуются незавершенные реформы и контрреформы, переход между последними – разрушительные кризисы;
- методы и средства модернизации имитируют западные образцы и недостаточно адаптированы к социокультурным реалиям России;
- модернизация неравномерна в пространстве и времени, что порождает эффекты территориальной дифференциации политической системы.

Таким образом, модернизация по-русски имеет черты «незападного политического процесса», определение которого дал Л. Пай [8]. Среди них: невыраженность границ между сферами общественной жизни; раскол общества в понимании базовых целей и средств политики; преобладание элит и групп интересов в принятии решений; разрыв между словами и действиями политических акторов; резкие различия в политических ориентациях сегментов общества (поколений, страт, этнических групп и т. д.); символизм и эмоциональность в восприятии политики и т. д.

Традиционный для России сверхцентрализм политической системы, сдерживаемый не правовым соблюдением полномочий, а неформальным торгом о разделе власти, усугубился последствиями децентрализации 1990-х гг., подчас вызывавшей хаос в политическом управлении. Вместе с тем рецентрализация государственной власти 2000-х гг. показала преобладание моноцентризма принятия решений, свертывание сферы публичной политики, снижение конкуренции элит и партий, преобладание традиционалистских форм государственного контроля над СМИ. Возникает парадокс: модернизационные реформы госаппарат намерен проводить традиционными методами.

Итак, современные теории политической модернизации признают цивилизационную специфику в качестве важного фактора преобра-

зований. Учитывается длительность и противоречивость модернизации. Вместе с тем теории модернизации не оспаривают общий итог перемен – создание демократических политий, укореняющих глобальные «стандарты». Но при незрелости гражданского общества политическая система России не функционирует в режиме саморазвития модернизации. Базовый политический процесс определяют элиты, слабо контролируемые общественными институтами. Политическая модернизация России станет эффективной вследствие кардинального укрепления институтов гражданского общества, транспарентности государственного управления, развития конкуренции элит и партий в русле соблюдения законности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта / А. С. Ахиезер. – М. : Изд-во Филос. о-ва СССР, 1991. – Т. 1. – 318 с.
2. Зарубина, Н. Н. Социокультурные факторы хозяйствования: М. Вебер и современные теории модернизации / Н. Н. Зарубина. – СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманит. ин-та, 1998. – 288 с.
3. Красильщиков, В. А. Модернизация: зарубежный опыт и Россия / В. А. Красильщиков, А. В. Рябов, В. В. Зиборов. – М. : Инфомарт, 1994. – 115 с.
4. Лейбович, О. Л. Модернизация в России / О. Л. Лейбович. – Пермь : Зап.-Урал. учеб.-науч. центр, 1996. – 157 с.
5. Лурье, С. В. Историческая этнология / С. В. Лурье. – М. : Аспект Пресс, 1997. – 448 с.
6. Моцелков, Е. Н. Переходные процессы в России: опыт ретроспективно-компаративного анализа социальной и политической динамики / Е. Н. Моцелков. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1996. – 151 с.
7. Осипова, О. А. Американская социология о традициях в странах Востока / О. А. Осипова. – М. : Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1985. – 135 с.
8. Пай, Л. Незападный политический процесс / Л. Пай // Политическая наука. – 2003. – № 2. – С. 66–86.
9. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа / под ред. Е. Ю. Мелешкиной. – М. : ИНФРА-М : Весь мир, 2001. – 304 с.
10. Сравнительное изучение цивилизаций : хрестоматия / сост. Б. С. Ерасов. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 556 с.

11. Хантингтон, С. Третья волна: Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. – М. : РОССПЭН, 2003. – 368 с.

12. Эйзенштадт, Ш. Революция и преобразование обществ: сравнительное исследование ци-

вильзаций / Ш. Эйзенштадт. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 416 с.

13. Eisenstadt, S. N. Tradition, Change and Modernity / S. N. Eisenstadt. – N.Y. ; Sydney ; Toronto : John Wiley, 1973. – 312 p.

SPECIFICITY OF POLITICAL MODERNIZATION OF RUSSIA IN 1990–2000s (THEORIES AND REALITY)

A. V. Baranov

The article defines the treatment of political modernization and reveals the specificity of the application of theories of modernization on political processes in Russia, 1990–2000s. The sociocultural context of post-Soviet Russia's modernization is established.

Key words: *modernization theories, specificity, political processes, Russia, 1990–2000s.*